

На нашем тусклом горизонте она мелькнула яркою голубою звездочкой.

Сколько надежд связывалось с нею! Как восторженно встретили ее все, кому была дорога истинная поэзия. На что уж-Скабичевский, тому стихи без барабанного грохота гражданских чувств по Некрасову и политической подоплеки по Михайловскому казались чуть ли не преступлением, "в наше время, когда и проч., и проч., и проч.", и тот, слушая сафические оды молоденькой писательницы, пускал пузыри на губы. Даже его преподобие косолапейший из критических российских неуважай-корыт Протопопов, которому в Москве у Вукола Лаврова прочли несколько маленьких стихотворений Мирры Александровны, разворочал свою кудлатую гриву, одобрил: хо-рро-шо-с, весьма хорошо-с!.. И при сем все-таки погрозил кому-то волосатым кулаком в пространство. Я о простом бесхитростном читателе не говорю. Ее строфы заучивались наизусть и -- о, верх популярности! -- щеголеватые писаря, помадившиеся цедрой лимонной, писали их легковверным модисткам, выдавая за свои. Ее ожидал ряд долгих годов и настоящая большая слава; с каждым новым произведением Лохвицкая все дальше и дальше оставляла за собою позади молодых поэтов своего времени, хотя целомудренные каплуны от литературы и вопияли ко всем святителям скопческого корабля печати и к белым голубям цензуры о безнравственности юного таланта. Один Л. Н. Толстой, который, со своей точки зрения, мог бы обвинить ее, при мне в Москве у покойной Варвары Алексеевны Морозовой снисходительно оправдывал ее: "Это пока ее зарядило... Молодым пьяным вином бьет. Уходит, остынет и потекут чистые воды!"

Я знал ее еще девочкой-гимназисткой.

Как-то в темень осеннего вечера приносят ко мне пакет. Неизвестность, подписавшаяся литерами М. Л., просит ответить ей до востребования на эти буквы: "Стоит ли ей писать или нет". Старым авторам часто приходится получать такие послания, и, кроме скуки, от них ничего не ждешь. А прочесть надо и высказаться тоже. Нельзя же не пожать протянутую руку или не приподнять шляпу на поклон. Невежливо, а для писателя с именем, которому верят, -- вдвое. Развернул я эти листки, и точно на меня солнцем брызнуло. Я не помню, что я набросал "начинающему поэту", но через несколько дней ко мне -- я жил тогда в "Hotel d'Angleterre" {Отель "Англетер" (*фр.*).} на Исаакиевской площади, -- постучалась подросток лет четырнадцати, в кофейном мундирчике с беленькой пелеринкой, наивная, застенчивая, мерцавшая ранним огнем прелестных глаз. Потом она часто бывала у меня, неизбежно сопровождаемая старой дуэньей, как и полагается девочке de la bonne famille {Из хорошей семьи (*фр.*).}. Она своим присутствием согревала эту оливковую бархатную гостиную, с плотно занавешенными окнами и толстым, скрадывавшим шорохи, ковром. Свернется, бывало, как котенок, в углу большой софы и мечтает вслух, и я сам молодею, невольно возвращаясь к далекой юности, сплошь залитой розовыми лучами лазурных утр. "С вами хорошо, -- как-то вырвалось у нее. -- Вашему сердцу тоже пятнадцать лет. Мне со взрослыми трудно. Они не умеют читать по-моему!" А то вдруг, полузакрыв глаза, из-под век сверкая ими, тихо, тихо шепчет, точно импровизирует свои стихи. Каждая строчка теплилась красивою, чисто южною страстью и таким проникновением в природу, какой не было и у больших поэтов в почетном углу русского Парнаса. Она уже и тогда в полной мере обладала техникой. Ей нечему было учиться у версификаторов, которых мы часто венчали лаврами истинной поэзии. Она больше, чем кто-нибудь, отличалась музыкальным ухом и, пробегаая по строкам взглядом, слышала стихи. Родилась и выросла в тусклом, точащем нездоровые соки из бесчисленных пролежней Петербурге, -- а вся казалась чудесным тропическим цветком, наполнявшим мой уголок странным ароматом иного, более благословенного небесами края. Впрочем, ведь и в жарких тропиках самые причудливые лианы -- эти фантазии вышедшего из всякой меры творчества -- рождаются на отвратительном перегное змеиных трупов, жарких болот и разлагающихся плодов. Днем, когда гардины не были спущены, дикими и неестественными казались -- рядом с этим божком горячего, пышного юга -- за слезящимися стеклами мутная даль, трепетные скелеты безлистных деревьев и точно окоченевшие стены. Как будто ко мне залетала радостная, вся в жару, белым ключом бьющейся жизни птичка. Из-за гор и морей, из-за пустынь, вся еще овеванная дыханием солнечных пышных рощ. Чудилась душа, совсем не родственная скучному и скудному, размеренному укладу нашей жизни. И мне казалось: молодая поэтесса и сама отогревается в неудержимых порывах вдохновения, опьяняется настоящей музыкою свободно льющегося стиха. Где они? Многие из них, которые я когда-то так любил, исчезли, других она и вовсе не записывала. Я не встретил их в томиках, изданных впоследствии.

Я случайно у себя нашел коротенький набросок ее.

Мирра Александровна не застала меня дома и вместо визитной карточки написала на... счете из